

УДК 31**Дискретизация формальных политологических структур за преступления, совершенные в зонах вооруженного конфликта****Красавина Екатерина Валерьевна**

Доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин,
Российская таможенная академия,
140015, Российская Федерация, Люберцы, Комсомольский проспект, 4;
e-mail: krasavina_2905@mail.ru

Забайкин Юрий Васильевич

Кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры производственного и финансового менеджмента,
Российский государственный геологоразведочный университет
им. Серго Орджоникидзе,
117997, Российская Федерация, Москва ул. Миклухо-Маклая, 23;
e-mail: 89264154444@yandex.ru

Аннотация

Ответственность за нарушение прав человека в условиях вооруженных конфликтов можно рассматривать как коллективную ответственность, т.е. ответственность воюющей стороны (чаще всего - государства) за все действия, совершаемые лицами, входящими в состав ее вооруженных сил, или как индивидуальную ответственность конкретных правонарушителей.

Коллективная ответственность воюющей стороны может иметь разные проявления. В первую очередь, необходимо отметить принцип взаимности, который складывается из двух составляющих:

- а) принципа отрицательной взаимности («Я не обязан уважать закон, потому, что ты его не уважаешь»);
- б) принципа положительной взаимности («Я соблюдаю закон, потому, что ты тоже его соблюдаешь»).

Женевские конвенции и Дополнительный протокол I наложили запрет на действие принципа отрицательной взаимности, установив в общей для всех Женевских конвенций статье 1 обязательство государств-участников «при любых обстоятельствах соблюдать и заставлять соблюдать» положения Конвенций.

Женевские конвенции придают большое значение принципу положительной взаимности. Он выражается в том, что если одна из сторон, находящихся в конфликте, не является участницей Конвенций, но принимает и применяет положения Конвенции, то другая сторона - участница Конвенции - будет обязана применять их в отношении противной стороны.

Для цитирования в научных исследованиях

Красавина Е.В., Забайкин Ю.В. Дискретизация формальных политологических структур за преступления, совершенные в зонах вооруженного конфликта // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Том 8. № 4В. С. 185-193.

Ключевые слова

Конвенция, принцип, преступление, конфликт, государство.

Введение

Сегодня, несмотря на существование Международного уголовного суда, применение международной юстиции никоим образом не посягает на государственный суверенитет и на покровительство собственных граждан, как одно из следствий, вытекающих из государственного суверенитета. Следовательно, привлечение в процессе преследования за совершение международных преступлений органы международной юстиции является не только допустимым, но и необходимым, поскольку достижение положительного результата национальными механизмами или невозможно, или размер санкции не соответствует общественной опасности содеянного [Yanev, 2015].

Также проблемой стоит ситуация, когда физическое лицо действовало по приказу. Национальные суды установили ряд проверок, начиная от неспособности действовать в предотвращение незаконной активности, когда военачальник "мог знать", чтобы "иметь фактическое знание". В качестве исключения из общего стандарта, который обсуждался ранее, международная доктрина приняла функциональную ответственность военачальников, рисуя линию, где командир "должен был знать" о противоправной деятельности. Это явно ответственность за халатность, а не на вина при Causa [Lee, 2015]. Не только военачальники обязаны принять все необходимые и разумные меры в рамках своей власти для предотвращения совершения противоправного деяния подчиненных под его командованием, но он также имеет обязательство принимать все необходимые и разумные меры, чтобы сохранять подобное поведение и за собой, чтобы быть разумным в состоянии предотвратить незаконные действия своих подчиненных. Germaris Sail это принцип функциональной осторожности (Garantenstellung) вышестоящего: вышестоящий должен поручиться за своих людей и, следовательно, должны сделать все разумное чтобы сделать это возможным [McGorrey, 2017]. Уставы МТБЮ, МУТР и МУС пошли дальше, включая вину, когда не в состоянии принять необходимые и разумные меры для наказания виновных и представить дело в компетентные органы для расследования и prosecution. Здесь же к проверкам, вытекающим из Garantenstellung относится: командир должен принять все необходимые меры и разумные в его силах, чтобы подавить совершение незаконных актов. В обоих случаях – предупреждение и пресечение – военные командиры обязаны осуществлять эффективный контроль над своими подчиненными [Lubaale, 2017].

Основная часть

Возможно, военные стандарты более завышены, чем их гражданские аналоги по двум причинам. В военных структурах существует необходимость поддерживать высокий уровень дисциплины, которой сопутствует ответственность вышестоящих лиц, а также существуют

различия в эффективном сдерживании в военное и мирное время . Решение вопроса об ответственности вышестоящих лиц невоенного персонала не зависит от того, являются ли они частью военного персонала [Shiner, 2014]. Правильным вопросом будет, осуществляют ли они функции контроля и управления в качестве эффективных военных командиров. Таким образом, должно быть сделано различие между главнокомандующим, который может быть гражданским лицом, и другими гражданскими лицами, которые могут быть частью военного командования и иметь эффективные обязанности по управлению и контролю. Главнокомандующий, несмотря на его название, может не осуществлять все полномочия в рамках своей должности [Wallerstein, 2015]. Наоборот, гражданское лицо, занимающее должность в военном командовании может на самом деле принимать решения по стратегическим или тактическим вопросам, или по обоим из них .

В этом на самом деле и заключается проблема доказывания [Wallerstein, 2015]. Проблемы доказывания стоят более остро в области ответственности военного командования, когда гражданские лица не обладают заранее установленными функциями в четко определенной иерархии, в которой обязанности по управлению и контролю соразмерны определенному званию [Korylova, 2017].

Гражданские лица, находящиеся в таком положении, могут быть или не быть частью процесса по принятию решений, поднимая вопросы о постоянстве их положения. Однако в принципе, ответственность командования в рамках военной и военизированной деятельности является одинаковой для всех лиц в командовании, независимо от того, являются ли они частью военной иерархии . Разница касается лишь правовых и фактических предположений, которые относятся к военнослужащим, которые являются частью системы командования.

Гражданские лица могут нести ответственность за поведение других, когда они находятся в более высоком положении, и способны контролировать поведение своих подчиненных [Ferguson, 2016]. Такие начальники могут работать в государственных структурах или быть политиками, или руководителями коммерческих предприятий. Те лица, которые не являются частью военных структур или не находятся под их контролем, не подпадают под действие норм и стандартов в области об ответственности командования, которые были обсуждены выше [Yankah, 2015]. В этом отношении, ускорение развития международного права посредством создания трибуналов *ad hoc*, повлияло на развитие доктрины функциональной (уголовной) ответственности также и в отношении гражданских лиц. После Нюрнбергского трибунала Статута Международного трибунала по бывшей Югославии и Руанде четко установили уголовную ответственность гражданских руководящих лиц на тех же основаниях, которые ранее были установлены для привлечения к ответственности военного командования [Zaksaite, & Radke, 2014]. Общим правилом является применение критериев знания или понимания, власти или служебных полномочий, одобрения или халатности . Прецедентное право совершенствовало и учитывало эти критерии, что в дальнейшем позволило сформировать полноценную систему уголовной ответственности, которая нашла свое отражение в действующем Статуте МУС. В своем решении о Правиле 61 по делам Караджича и Младича, Судебная палата применила функциональный подход, отметив, что те, кто имеет возможность влиять на события посредством своего положения в высших руководящих органах должны быть привлечены к ответственности [Hadjimatheou, 2016].

В решении о Правиле 61 в рамках слушаний по делу Николича, Судебная палата применила принцип уголовной ответственности, отметив, что Николич занимал должность начальника лагеря и его ответственность, также возникла в силу его положения в органах власти, когда не

были предотвращены такие преступления.

В рамках процесса создания проекта Статута МУС, был поднят вопрос, будут ли гражданские вышестоящие должностные лица нести ту же степень ответственности, как и военные командиры, и находятся ли они в том же положении, как и военные командиры, и могут предотвратить или пресечь совершение преступлений их подчиненными и наказать виновных [Solaiman, & Langsted, 2017].

Статья 28 Статута МУС, регулирует этот вопрос путем разделения двух обязанностей по двум различным пунктам. Пункт в отношении военных предусматривает дополнительный критерий "они должны были знать", тогда как пункт в отношении гражданских лиц этого не предусматривает [Ulväng, 2014].

Судебное преследование лиц, обвиняемых в совершении преступлений, обычно находится в непосредственной компетенции государства гражданства, это положение было сформировано от обычных критериев, таких как гражданство преступника или места совершения преступления. Тем не менее, характер нарушений гуманитарного права, наделяет такие преступления характером международных, независимо от гражданства и места совершения [Giddens, 2015]. Следовательно, привлечение к индивидуальной ответственности за нарушения гуманитарного права стало глобальной проблемой, и перемещение внимания с ответственности государств на индивидуальную ответственность за эти нарушения станет менее значимым, если отдельные лица смогут избежать ответственности, скрываясь за суверенитетом своего государства. Прогрессивно развивается тенденция в международном праве, исключая все барьеры, которые бы позволили существовать любым формам уклонения от ответственности за нарушения гуманитарного права [Douglas, 2014].

Иммунитет государственных лидеров, министров иностранных дел и глав государств хорошо известен в международном праве:

1. Иммунитет *ratione personae* (персональный иммунитет). То же самое относится и к бывшим чиновникам.

2. Иммунитет *ratione materiae* (материальный иммунитет). Согласно международному праву, национальные суды в отношении общих преступлений должны уважать оба иммунитета.

Тем не менее, нынешние международные правовые инструменты, такие как Венская Конвенция, определяющая понятия таких иммунитетов, конкретно не рассматривает ответственность защищаемых лиц за нарушения гуманитарного права [Vui, 2017]. Существует тенденции в национальном законодательстве, которые отрицают иммунитет *ratione materiae* (материальный иммунитет) для бывших чиновников, к примеру, это сделала Палата Лордов в Великобритании по делу Пиночета, и уважают иммунитет *ratione personae* (личный иммунитет) в отношении высокопоставленных должностных лиц. На международном уровне такие иммунитеты отрицаются в Статуте Нюрнбергского Трибунала, в Статутах обоих трибуналов *ad hoc* и Статуте МУС. Предел привлечения к уголовной ответственности за нарушения гуманитарного права в международных судебных органах является почти абсолютным. Единственным исключением при привлечении к ответственности может быть возраст обвиняемого [Ambos, 2015].

Основной принцип гласит, что чудовищные преступления не должны оставаться безнаказанными. Тем не менее, этот принцип может конфликтовать с принципом отсутствия обратной силы закона, который основан на идее, что люди не должны нести ответственность за действия, о которых они не могли знать, что они являются преступлениями. В рамках Нюрнбергского трибунала это столкновение принципов было серьезной проблемой, но в

настоящее время оно встречается крайне редко, если встречается вообще. Те нарушения международного права, которые перечислены в Статутах Международного Трибунала по бывшей Югославии и Международного Трибунала по Руанде, распространялись задним числом на события, произошедшие в бывшей Югославии и Руанде, и они не были серьезной темой для обсуждения .

В том числе вследствие того, что обсуждался вопрос, касающийся описания элементов, которые представляют собой нарушения гуманитарного права в соответствии со Статутом. Римский статут Международного Уголовного Суда разрешал эту проблему и, кроме того, Международный Уголовный Суд имеет полномочия только в отношении преступлений, совершенных после его официального введения в действие. Необходимо разъяснить вопрос о детях-солдатах, участвующих в вооруженных конфликтах, и привлечения их к уголовной ответственности. Этот вопрос разрабатывался в ходе Римской конференции . Некоторые участники конференции хотели установления одного определенного возраста, который бы варьировался от 7 до 21 года; другие предпочитали установить минимальный возраст, до которого нельзя привлекать к уголовной ответственности, и максимальный возраст лица с полной ответственностью, а если возраст лица находился между двумя этими пределами, предполагалось оценивать его зрелость и понимание лицом противоправности его деяний. В соответствии со статьей 26 Статута МУС, баланс был достигнут на возрасте в 18 лет.

Формирование тенденции по привлечению к индивидуальной ответственности за преступления в ходе вооруженного конфликта было одним из конкретных шагов, предпринятых за последнее время, которые только недавно были разработаны в рамках полноценной системы ответственности [Tadros, 2014]. Первым шагом было сформировать систему знаний по привлечению к ответственности военных командиров за их личные действия и нарушения функциональных обязанностей по уважению законов и обычаев войны, или за бездействие в предотвращении таких нарушений. Следующим шагом было включение таких обязанностей в национальное законодательство, а позже в международные договоры . Следующий шаг бы обязывал государства-участников деклараций и договоров возбуждать уголовные дела против своих граждан подозреваемых в совершении преступлений. Заключительным шагом было бы всеобщее признание нормы, что все люди несут ответственность за нарушения гуманитарного права, которые были ими совершены или разрешены ими самими или совершены другими лицами, за которых они несут ответственность. Современная индивидуальная уголовная ответственность за нарушения гуманитарного права включает в себя функциональную ответственность и, кроме случаев, в отношении несовершеннолетних, имеет абсолютный характер [Eldar, 2014].

Данная концепция функциональной ответственности, ставшая признанным принципом международного права в ходе Нюрнбергского процесса, получила дальнейшее развитие в правовых рамках как Международного Трибунала по Бывшей Югославии, так и Международного Трибунала по Руанде, и в настоящее время кодифицирована в уставных положениях Статута Международного уголовного суда. Тем не менее, индивидуальная ответственность гражданских начальников отличается от ответственности военного командования. Военачальник занимает положение гаранта («Garantenstellung» нем. термин) который, как начальник также функционально (уголовно) отвечает за халатность: он должен ручаться за своих людей, и поэтому он должен сделать все разумное, чтобы сделать это возможным. Гражданское командование функционально (уголовно) отвечает только тогда, когда оно имеет требуемый в данном случае умысел и осведомленность. Тенденция, однако,

заключается в том, чтобы усилить стандарты уголовной ответственности гражданского начальства [Wilson, 2015].

Заключение

Таким образом, не стоит удивляться, если в будущем прецедентном праве будет применен тест на небрежность при исполнении функциональных обязанностей гражданского начальства в том числе. Это бы соответствовало сложившейся на сегодняшний день культуре подотчетности всех лиц, в том числе глав государств [Stewart, 2015].

В целом ответственность физических лиц за нарушение норм международного права можно считать частью системы международного мира и безопасности. Сегодня процесс становления и развития стандартов поведения государств на международной арене призван не допустить посягательств на нормы международного права, прежде всего благодаря образованию соответствующих национальных механизмов предотвращения и избежания конфликтных ситуаций. Этого можно достичь должной имплементацией в национальное законодательство положений конвенций, которые содержат перечень противоправных действий, введением многоуровневой системы принятия решений органами или должностными лицами с соответствующими предохранительными инструментами и обеспечивая международное сотрудничество в процессе поиска и преследования лиц, совершивших международные преступления.

Библиография

1. Shiner, R. A. (2014). Corporations and the Presumption of Innocence. *Criminal Law and Philosophy*, 8(2), 485-503. doi:10.1007/s11572-013-9287-9
2. Solaiman, S. M., & Langsted, L. B. (2017). Crimes Committed by Directors Attributed to Corporations – Why Should Directors be Accessory?: Viewing through the Complicity Rules in Common Law. *Criminal Law Forum*, 28(1), 129-161. doi:10.1007/s10609-016-9299-y
3. Ulväng, M. (2014). Criminal and Procedural Fairness: Some Challenges to the Presumption of Innocence. *Criminal Law and Philosophy*, 8(2), 469-484. doi:10.1007/s11572-013-9259-0
4. Hadjimatheou, K. (2016). Criminal Labelling, Publicity, and Punishment. *Law and Philosophy*, 35(6), 567-593. doi:10.1007/s10982-016-9274-0
5. Yankah, E. N. (2015). Republican Responsibility in Criminal Law. *Criminal Law and Philosophy*, 9(3), 457-475. doi:10.1007/s11572-013-9283-0
6. Douglas, T. (2014). Criminal Rehabilitation Through Medical Intervention: Moral Liability and the Right to Bodily Integrity. *The Journal of Ethics*, 18(2), 101-122. doi:10.1007/s10892-014-9161-6
7. Giddens, T. (2015). Criminal Responsibility and the Living Self. *Criminal Law and Philosophy*, 9(2), 189-206. doi:10.1007/s11572-013-9212-2
8. Wallerstein, S. (2015). Delegation of Powers and Authority in International Criminal Law. *Criminal Law and Philosophy*, 9(1), 123-140. doi:10.1007/s11572-013-9203-3
9. Wallerstein, S. (2015). Delegation of Powers and Authority in International Criminal Law. *Criminal Law and Philosophy*, 9(1), 123-140. doi:10.1007/s11572-013-9203-3
10. Tadros, V. (2014). The Ideal of the Presumption of Innocence. *Criminal Law and Philosophy*, 8(2), 449-467. doi:10.1007/s11572-013-9253-6
11. Eldar, S. (2014). Indirect Co-Perpetration. *Criminal Law and Philosophy*, 8(3), 605-617. doi:10.1007/s11572-013-9224-y
12. Bui, D. T. (2017). Procedural Proportionality: The Remedy for an Uncertain Jurisprudence of Minor Offence Justice. *Criminal Law and Philosophy*, 1-24. doi:10.1007/s11572-017-9413-1
13. Zaksaitė, S., & Radke, H. (2014). The interaction of criminal and disciplinary law in doping-related cases. *The International Sports Law Journal*, 14(1), 115-127. doi:10.1007/s40318-014-0045-5
14. Yanev, L. (2015). A Janus-Faced Concept: Nuremberg's Law on Conspiracy *Vis-À-Vis* the Notion of Joint Criminal Enterprise. *Criminal Law Forum*, 26(3), 419-456. doi:10.1007/s10609-015-9262-3
15. Lubaale, E. C. (2017). Military Courts and Prosecution of Offences by National Defense Forces in the Dawn of the

- Complementarity Regime: The Case of Uganda. *Criminal Law Forum*, 1-39. doi:10.1007/s10609-017-9307-x
16. Lee, A. Y. K. (2015). Public Wrongs and the Criminal Law. *Criminal Law and Philosophy*, 9(1), 155-170. doi:10.1007/s11572-013-9231-z
 17. Wilson, S. (2015). The new Market Abuse Regulation and Directive on Criminal Sanctions for Market Abuse: European capital markets law and new global trends in financial crime enforcement. *ERA Forum*, 16(3), 427-446. doi:10.1007/s12027-015-0384-1
 18. Stewart, H. (2015). The Normative Structure of Criminal Law: Moral or Political? *Criminal Law and Philosophy*, 9(4), 719-725. doi:10.1007/s11572-013-9291-0
 19. Kopylova, E. A. (2017). The Offence of Giving False Testimony under Solemn Declaration in the Rome Statute. *Criminal Law Forum*, 1-40. doi:10.1007/s10609-017-9301-3
 20. Ambos, K. (2015). The Overall Function of International Criminal Law: Striking the Right Balance Between the Rechtsgut and the Harm Principles. *Criminal Law and Philosophy*, 9(2), 301-329. doi:10.1007/s11572-013-9266-1
 21. Ferguson, P. R. (2016). The Presumption of Innocence and its Role in the Criminal Process. *Criminal Law Forum*, 27(2), 131-158. doi:10.1007/s10609-016-9281-8
 22. McGorry, P. (2017). The Philosophy of Criminalisation: A Review of Duff et al.'s Criminalisation Series. *Criminal Law and Philosophy*, 1-23. doi:10.1007/s11572-017-9416-y

Discretization of formal political science structures for crimes committed in zones of armed conflict

Ekaterina V. Krasavina

Doctor of Sociology, Associate Professor,
Professor of the Department of Humanities,
Russian Customs Academy,
140015, 4 Komsomol'skii prospekt av., Lyubertsy, Russian Federation;
e-mail: krasavina_2905@mail.ru

Yurii V. Zabaikin

PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of production and financial management,
Russian State Geological Prospecting University named after Sergo Ordzhonikidze,
117997, 23 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 89264154444@yandex.ru

Abstract

Responsibility for human rights violations in armed conflicts can be viewed as collective responsibility, i.e. the responsibility of the belligerent party (most often the state) for all acts committed by persons belonging to its armed forces, or as the individual responsibility of specific offenders.

The collective responsibility of the belligerent may have different manifestations. First of all, it is necessary to note the principle of reciprocity, which consists of two components:

a) the principle of negative reciprocity ("I am not obliged to respect the law because you do not respect it»);

b) the principle of positive reciprocity ("I observe the law, because you also observe it").

The Geneva conventions and Additional Protocol I prohibited the principle of negative reciprocity by establishing in article 1, common to all Geneva conventions, the obligation of States

parties to "respect and enforce" the provisions of the Conventions in all circumstances.

The Geneva conventions attach great importance to the principle of positive reciprocity. It is expressed in the fact that if one of the parties to the conflict is not a party to the Conventions, but accepts and applies the provisions of the Convention, the other party-a party to the Convention-will be obliged to apply them to the opposing party.

For citation

Krasavina E.V., Zabaikin Yu.V. (2019) Diskretizatsiya formal'nykh politologicheskikh struktur za prestupleniya, sovershennyye v zonakh vooruzhennogo konflikta [Discretization of formal political science structures for crimes committed in zones of armed conflict]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 8 (4B), pp. 185-193.

Keywords

Convention, the principle of crime, conflict and the state.

References

1. Shiner, R. A. (2014). Corporations and the Presumption of Innocence. *Criminal Law and Philosophy*, 8(2), 485-503. doi:10.1007/s11572-013-9287-9
2. Solaiman, S. M., & Langsted, L. B. (2017). Crimes Committed by Directors Attributed to Corporations – Why Should Directors be Accessory?: Viewing through the Complicity Rules in Common Law. *Criminal Law Forum*, 28(1), 129-161. doi:10.1007/s10609-016-9299-y
3. Ulväng, M. (2014). Criminal and Procedural Fairness: Some Challenges to the Presumption of Innocence. *Criminal Law and Philosophy*, 8(2), 469-484. doi:10.1007/s11572-013-9259-0
4. Hadjimatheou, K. (2016). Criminal Labelling, Publicity, and Punishment. *Law and Philosophy*, 35(6), 567-593. doi:10.1007/s10982-016-9274-0
5. Yankah, E. N. (2015). Republican Responsibility in Criminal Law. *Criminal Law and Philosophy*, 9(3), 457-475. doi:10.1007/s11572-013-9283-0
6. Douglas, T. (2014). Criminal Rehabilitation Through Medical Intervention: Moral Liability and the Right to Bodily Integrity. *The Journal of Ethics*, 18(2), 101-122. doi:10.1007/s10892-014-9161-6
7. Giddens, T. (2015). Criminal Responsibility and the Living Self. *Criminal Law and Philosophy*, 9(2), 189-206. doi:10.1007/s11572-013-9212-2
8. Wallerstein, S. (2015). Delegation of Powers and Authority in International Criminal Law. *Criminal Law and Philosophy*, 9(1), 123-140. doi:10.1007/s11572-013-9203-3
9. Wallerstein, S. (2015). Delegation of Powers and Authority in International Criminal Law. *Criminal Law and Philosophy*, 9(1), 123-140. doi:10.1007/s11572-013-9203-3
10. Tadros, V. (2014). The Ideal of the Presumption of Innocence. *Criminal Law and Philosophy*, 8(2), 449-467. doi:10.1007/s11572-013-9253-6
11. Eldar, S. (2014). Indirect Co-Perpetration. *Criminal Law and Philosophy*, 8(3), 605-617. doi:10.1007/s11572-013-9224-y
12. Bui, D. T. (2017). Procedural Proportionality: The Remedy for an Uncertain Jurisprudence of Minor Offence Justice. *Criminal Law and Philosophy*, 1-24. doi:10.1007/s11572-017-9413-1
13. Zaksaitė, S., & Radke, H. (2014). The interaction of criminal and disciplinary law in doping-related cases. *The International Sports Law Journal*, 14(1), 115-127. doi:10.1007/s40318-014-0045-5
14. Yanev, L. (2015). A Janus-Faced Concept: Nuremberg's Law on Conspiracy Vis-À-Vis the Notion of Joint Criminal Enterprise. *Criminal Law Forum*, 26(3), 419-456. doi:10.1007/s10609-015-9262-3
15. Lubaale, E. C. (2017). Military Courts and Prosecution of Offences by National Defense Forces in the Dawn of the Complementarity Regime: The Case of Uganda. *Criminal Law Forum*, 1-39. doi:10.1007/s10609-017-9307-x
16. Lee, A. Y. K. (2015). Public Wrongs and the Criminal Law. *Criminal Law and Philosophy*, 9(1), 155-170. doi:10.1007/s11572-013-9231-z
17. Wilson, S. (2015). The new Market Abuse Regulation and Directive on Criminal Sanctions for Market Abuse: European capital markets law and new global trends in financial crime enforcement. *ERA Forum*, 16(3), 427-446. doi:10.1007/s12027-015-0384-1
18. Stewart, H. (2015). The Normative Structure of Criminal Law: Moral or Political? *Criminal Law and Philosophy*, 9(4), 719-725. doi:10.1007/s11572-013-9291-0

-
19. Kopylova, E. A. (2017). The Offence of Giving False Testimony under Solemn Declaration in the Rome Statute. *Criminal Law Forum*, 1-40. doi:10.1007/s10609-017-9301-3
 20. Ambos, K. (2015). The Overall Function of International Criminal Law: Striking the Right Balance Between the Rechtsgut and the Harm Principles. *Criminal Law and Philosophy*, 9(2), 301-329. doi:10.1007/s11572-013-9266-1
 21. Ferguson, P. R. (2016). The Presumption of Innocence and its Role in the Criminal Process. *Criminal Law Forum*, 27(2), 131-158. doi:10.1007/s10609-016-9281-8
 22. McGorrery, P. (2017). The Philosophy of Criminalisation: A Review of Duff et al.'s Criminalisation Series. *Criminal Law and Philosophy*, 1-23. doi:10.1007/s11572-017-9416-y